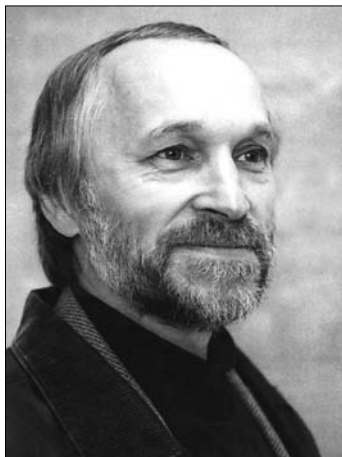

МИХАИЛ ПОПОВ

ВСТРЕЧНЫЙ МАРШ

РАССКАЗ

1

Как с этим бывало до недавних пор? То годами молчат, не тревожат, совсем не дают о себе знать; минует пять, восемь, десять лет, и в круговерти будней, в суете повседневности ты и сам уже забываешь, что есть у тебя одна, самая главная мужская обязанность... И вдруг звонок, повестка из военкомата, распишитесь в получении. Что? Куда? Военские сборы. Переподготовка. На всё про всё 24 часа. И в 9.00 ты, браток, как штык, обязан быть на сборном пункте, имея при себе военный билет, ложку-кружку и минимум необходимого на дорогу...

Примерно так произошло и тут. Походная труба взвилась по весне. Место назначения — Ярославщина. И — в путь...

По дороге выяснилось, что собрали их гуртом со всех родов войск, даже моряков, хотя ближайшее море, Рыбинское, и морем-то назвать нельзя. Волжский пузырь, вздувшийся по державно-индустриальной воле, — какое это море!

Дорога к месту назначения вызывала печаль и уныние. Зброшенные деревни, разорённые фермы и силосные башни, заметённые прошлогодним травяным мезозоем поля... И как причина исхода и одновременно укор — воздетый к небу перст колокольни посреди затопленного земного простора.

ПОПОВ Михаил Константинович родился в 1947 году на Русском Севере. Автор двух десятков книг, в том числе прозы, публицистики, литературоведения, книг для детей и юношества. Его работы переведены на ряд иностранных языков, в частности английский. Главный редактор журнала "Двина". Член Союза писателей России. Живёт в Архангельске

На службе, где не своя воля, сходятся когда как. Когда по ранжиру: “В колонну по четыре стройся!” Или по номерам: “На первый-второй считайся!” — и номер второй иногда становится первым у пулемёта. Или, как на фронте, — “на котелок”. Один, мелкий по калибру, меньше ест, зато тот, что кубатуристей, в случае надобы подсобит силой.

Так и тут. Их четверых сначала сбило-сплотило сборной теснотой, а потом они оказались в одном строевом гнездове — тогда и познакомились. Архип Малыгин с Белого моря, Ростислав Шелег из Ростова-на-Дону, Степан Бурцев с Нижегородчины, Игорь Смолин из Смоленска. Вроде и случайно сошлись, будто кибасы-поплавки в неводе. А ежели прикинуть — и закономерно. Один распускает, другой подначивает, третий дополняет, а четвёртый будто итог подводит. Или наоборот. В зависимости от обстоятельств или настроения. В русском мужике ведь всего понамешано: и швец, и жнец, и на дуде игрец; он то до невозможения мантулит, то баклуши бьёт; то лихачит, то горюет, то горе верёвочкой завьёт и тоску-кручину смехом разгонит...

После удручающих картин дороги, которая, казалось, не сулила ничего хорошего, им предстал не иначе оазис — до того аккуратным и чистеньким оказался военный городок. Светлый забор, обкошенная по периметру трава, листва на кустах подстрижена — причём как? — шарами, пирамидами да кубами, точно в английском парке. Чудно и чудно! Небось декоративные, ведь май же на дворе. Или настоящие, но покрашенные. Так заключили армейские бывальцы, поминая, как к приезду какой-нибудь папахи — например, инспектора из окружного штаба — красили весёленькой зеленью побуревшую траву. Шустрый Шелег сорвал листок — нет, живой и пахнет.

Армейская служба, в том числе и переподготовка, в обиходе — “партизанка”, начинается со стрижки и бани. Что может быть отраднее после долгой пыльной дороги, чем тазик воды да кусок духовитого мыла! А тут к тому же без ограничений — плещись сколько душе угодно! Да не торопись — старшины нет. Два дедка бородатые, видимо, вольноопределяющиеся — вот и всё обозримое покуда начальство. Дедки — в бане, они же — в столовой, да и в казарму до койки дедки препроводили. Спите, сынки, отдыхайте. Сил набирайтесь. Силы понадобятся...

Сон Ростислава Шелега

Донская степь. Устье Медведицы. Хата деда Фрола с краю хутора. За нею — колхозная бахча. Вот она и снится донскому казаку.

Они с дедом ночуют в соломенном шалашике. Спелое утро. Ростик-малоростик просыпается. В треугольном проёме видны алые лампы и ломти арбузов, крупно напластованные рукой старого рубаки. Выбираясь из тенёчка, Ростик жмурится и, справив по-скорому малую нужду, мостится к столику. Тут на блюде скибки арбуза, на полотенце ломти ржаного хлеба, в глиняном глечике парное молоко. Взгляд обхватывает всё разом. Но руки тянутся к арбузу. Фу! Фу! Округ пчёлы ворчат-гудят, тоже норовят к сладости. Деда они облетают, ни одна не коснётся телесного массива, а на него, мальчика, сердятся, угрожающе тычутся, не признавая хозяина. Эвон и сюда, и сюда, пучит возмущённые глаза Ростик, торкая себя в грудь растопыренными пятернями, словно прошивают его пулёмётной очередью. А дед смеётся: да ведь не кусают же! А и то правда. Дед ведаёт чудесные заговоры, и ни одна пчела не посмеет ужалить ни его, ни тем более внука. Потому и улыбается. Зубов у старого вояки осталось немного, а будто как во весь рот сверкают. Может, оттого, что больше глазами смеётся. Дед гладит его по голове, ерошит выгоревшие волосы, а потом берёт на руки и вздымает подвысь, дескать, расти, Ростик! А чтобы быстрее внучек подрастал, креп да закалялся, подтягивает небольшую, но обильную тучку и устраивает дождевой душ. Тот смеху да визгу, когда дед да внук пляшут в пузырящейся луже, обдавая друг друга брызгами.

Не эти ли брызги, создающие радужку, перекидывают мостик в другой сон? Это кузня. Здесь дед мастерит подковы и ухнали — гвозди для ковки. Мехи, раздуваемые ещё могучей казачьей рукой, вспучивают горнило. Поч-

ти выправленная подкова раскаляется добела. Дед выхватывает её щипцами, кладёт на наковальню, короткими ударами молотка довершает форму и тут же сунёт подкову в воду. Для закалу, поясняет он. Вода шипит, будто ошпаренная, клокочет, сердится. Немного страшно и одновременно весело.

Сон надевается на сон, ровно колечки на игрушечной пирамидке. Вот ещё один. Теперь снится, как дед среди зимы приезжает к ним в город. Он, Ростик, на ту пору первоклассник, гриппует. На ногах деда Фрола ичиги — длинные шерстяные носки, он мягко подходит к его, внука, кровати и подносит к уху спичечный коробок. Оттуда доносится ласковый стрекот. Что это? Дед загадочно подмигивает, тайничок открывается и... Сверчок! Куда девается хворь и хандра?! Прыг с кровати, словно болезни и не было. Вот это подарок! А дед для закрепления процесса выздоровления, оказывается, ещё один сюрприз приготовил. Откуда-то из потая, из присердечного кармашка он извлекает другую коробочку. Сим-сим, открой дверь. Это дед так приговаривает. Открывается створочка. На зелёном листике клевера — это в канун Нового года — покоится божья коровка. Живая? Божья коровка, обиженная недоверием, поводит крыльшками: а ты как думал?! “Божья коровка, полети на небо...” Дед с внуком начинают распевать известные детские заклички, а потом, когда запас подходит к концу, придумывают сами: небо рифмуют с хлебом, а приветы — с летом. Ещё бы! Ведь так хочется опять под бок Медведицы, на бахчу, где пахнет арбузами, мёдом, где поют гимн лету укрощённые дедом пчёлы и шмели.

Сон Архипа Малыгина

Для моряка дневной сон — адмиральский час. О чём сны? Когда как. Сейчас о насущном, свежем. Вот облачили во всё белое, чистое. Остальным-то невдомёк... А моряку-подводнику заметно: так экипируют в радиоактивную зону, к реактору. Белая рубаха, белые исподники, белые бахилы с подвязками, счётчик в нагрудный кармашек — этакая авторучечка, которая трещит, как запечный сверчок. Разница лишь в том, что сверчок мажорит, а тут — опаска, сплошной минор... Впрочем, стоп, чего раньше времени... Счётчиков не выдали. Ни кирзачей, ни ботинок, ни бахил — сандалии только лёгкие. Во сне, однако, недоверие: мягко стелют, да жёстко спать. Может, в зону всё-таки... Опыты на людях. Бывало же такое. На взрыв ядерный гнали людей...

И тут как облегчение — батя. Батя всегда является вовремя. На то он и батя. И слова верные, и тон. И даже просто молчание. Скупая улыбка, ласковые мудрые глаза. И этого довольно.

Батя — авторитет. Всем и во всё. А ведь тоже был мальцом. На судострой пришёл со школы. Щуплый был, невысокий. На “букашках”-дизельюшках начинал работать, подлодках чуть не военной поры. В первый же день трудовой биографии отправили на “заказ” — ту самую “букашку”. В самой корме надо отдать запорный клапан. Взрослым работягам невпротык — лаз, что лисья норка. Кивают ему. Сунулся — пролез. Ключ 20 на 24. Восемь шпилек. Гайки отдал, то есть открутил, клапан снял. А назад как? Лиса, когда выбирается наружу, ведь разворачивается в норе. Да он-то не лиса, даром что ещё невелик. Да и места для разворота нет. Вытаскивали мальчика за ноги, об острую кромку робу порвали, колено ободрали. Вытащили, а он на ногах не стоит: надышался там в щели угаром масляным да малёхо струхнул, вот и обнесло. Ничего-ничего, скалятся мужики, давая понять, что вроде крещение принял. А вечером к себе в общагу звали и ему, шестнадцатилетнему, они, мужики по тридцать и больше, спирта на равных плеснули...

Видится это Архипу и представляется, что всё это было и с ним. С батей, конечно, но и с ним будто. Ведь судострой, флот да судоремонт — составные части единого целого.

Североморск. У причала — стальная акула. Это теперь ваш дом и наша общая государственная крепость, внушает командир новичкам. Батя этот дом и эту крепость ремонтировал, а он, сын, попал служить сюда. Причём гид-

роакустиком — на ту самую систему, которую батя отлаживал. Батя — Ползунов, Кулибин и Попов в одном лице, первый спец по акустике, а ещё потомственный слухач. Дед его, старовер, певший в старообрядческой общине по крюкам, слышал на сажень крога, по шелесту крыл определял заречную птицу, безошибочно выводил лодку туда, где стоит-дремлет, пуская пузырьки, щука. Абсолютный слух у них с батей от пращура. А у него, Архипа — ещё и имя. Комиссия призывная удивилась имени. А оториноларинголог — слуху: небось, в музыкальном учился? Учиться-то учился, да пришлось оставить — нечем стало платить. Середина 90-х, сплошная нищета! Батя, классный специалист, получал копейки. Доходило порой до того, что одной капсунтой питались. В заводской столовой по карточкам хлеб давали, как в войну.

Хорошо, брат выручал. После учёбы в совхозе-техникуме его оставили там мастером. Вот он и подбрасывал кое-чего в город: то картошки, то муки, то лытку мясную...

При мысли о брате сон Архипа меняет курс.

Старший брат Антон потянулся к земле. Батя поначалу ворчал: шёл бы во вуз, на производство. А потом и смирился, заключив, что это гены, ведь он и сам в деревне родился, а стало быть, крестьянский корень дал свежий побег.

Антон осел близ родных батиних мест, на Онеге. Там женился, дети пошли. Но горбачёвско-ельцинская лихоманка порушила весь уклад, все его намерения и планы. Сначала ушлые людишки, неведомо откуда взявшиеся, разорили совхоз, умыкнув ценное оборудование, часть техники и комбикорма. Попробовал Антон с соседями пришедьцы, по сути бандиты, сговорившись с районными временщиками, налогами, проверками да подзаконными актами задушили их артель. Тогда Антон — делать нечего — основал фермерское хозяйство. На пай ему передали трактор, клин пахотной земли и часть пастбища. Завёл коров, отсеялся, всё как полагается, трудился не покладая рук, аж почернел. Да не задалось его фермерство. Что ни год — одни убытки. Молока не сбыть — рынок поделен теми же “братками”. Топливо, что ни месяц — дорожает. Ну, не дико ли — литр солярки по цене равен литру молока! Где тут выстоять?! То с хлеба на воду, то с воды на хлеб. А в семье уже трое огольцов. Кормить-поить надо, в школу справлять...

Такой вот сон снился Архипу Малыгину, подводному слухачу. Не сон — сплошные акустические помехи. И это означало только одно — не отлажена или вовсе не годна установленная система.

* * *

После сна состоялось построение. Двадцать с чем-то душ — почти взвод. А перед ними — те два деда с бородами, что обихаживали их в бане и в столовой. Ёшкарне! Как же они опростоволосились! Как же сразу-то не смекнули, что это не вольнопёры. Ведь видна же стать и выправка офицерская, даром что без привычной формы! Ну и ну! А они-то, ухари: вели себя за столом по-панибратски, без субординации! А ну как это — испытанье, проверочка на вшивость, и бородачи-командиры теперь отыграются?!

Деда тоже были во всём светлом. Ни погон, ни нашивок — поди догадайся, как обращаться. Но меж собой они различались.

Один высокий, неторопливый, скупой в жестах. Облачение на нём какое-то старинное, не иначе древнегреческое, так заключил Игорь Смолин, отучившийся два курса в пединституте. Но туника это или тога, определить не смог. Наверное, он старший, возмможно, даже генерал — у него и обутка красовитеес. Так заключил Архип Малыгин, обратив внимание на сандалиии. А на груди что? Может, орден, предположил Шелег. Фибула, пояснил Смолин, не исключено, эмблема подразделения, но добавил без уверенности. Сейчас ведь форма меняется, что тебе женская мода. То фуражка замахом до небес, облака цепляет, то карманы накладные (“Для сбора дани”), то кепи, как у “пиндосов” или эсэсовцев из зондеркоманды. Это вместо пилотки-то. Поди, разбери, чьей армии вояка!

Другой бородач был в длинном рубище, подпоясанном то ли тонким кушаком, то ли ремешком от нагайки, и в светлых портах. При этом босой, даром, что земля ещё не совсем прогрелась. Рукава до локтей закатаны, руки мускулистые, работные. Полковник — не полковник, но видать, боевой, не чета нынешним паркетным генералам.

Говорил больше именно он. Стёпка Бурцов, нижегородец, прозванный сходу Разиным по говору его — окающему да обстоятельному, — почувал волжанина: “земля”!

Ничего особенного на построении сказано не было. Обвыкайте, знакомьтесь друг с другом, думайте. Это пока главное. Режим свободный, всё основано на самосознании и товариществе. В учебной части есть всё необходимое: уставы, история войн, тактика и стратегия современной войны, экономика мировая и отечественная, аналитика, статистика, публикации ведущих экономистов и политологов... О дальнейшем узнаете. Но задача предстоит ответственной.

Доверительное отношение настраивало на деловой лад. Занимались добросовестно и основательно, благо в учебной части всё для этого было: персональные мониторы, аудиокабинки, книжные полки. Всё усвоенное, представленное в доступной, убедительной форме, возбуждало мысли и чувства. Хотелось поделиться, обсудить. Но в учебной части стояла тишина. Так было условлено. Лишь иногда, словно порыв ветра, пронеслась чья-нибудь безмолвная реплика. Ты посмотри! Я перед дедом-казакон благоговел. Перед его годками-фронтовиками по струночке ходил, хотя и вырос, а погонями уже и перерос... Они же герои, богатыри... А этот аника-воин, метр с кепкой, который и в армии-то не служил, перед фронтовиками сидит...

* * *

Дневная самоподготовка плавно перетекала в вечерние посиделки, вот тут-то и начинались разговоры-обсуждения, воспоминания да сравнения.

Обихаживали их, как и прежде, деды-бородачи. В разговоры они не вступали, держались просто и ненавязчиво. По вечерам подносили вина. Угощайтесь, сынки. Вино было лёгкое, ласковое. Оно не растравливало душу, а наоборот — успокаивало.

Шелег опять вспомнил своего деда. Однажды на фронтовом биваке казак Фрол раскинул самобранку для двух генералов: Доватора и Белова. Обедом те, хоть фрицы и “поперчили” минами, остались довольны. Доватор помянул сказку, как один мужик двух генералов прокормил. Фрол Шелег насупился: казак, Лев Михайлович, казак, товарищ генерал! Да, добавил Смолин, у классика мужик — двух генералов... А у нас два генерала — целый взвод потчуют...

Смолин с вином не спешил — душа меру знает, — хоть и по вкусу пришлось оно. Это не сырец вперемешку с тушёнкой возле колёс БМП да к тому же вприкуску с дымом... Посвист пуль, чад и копоть. Что там дотлевет в воронке? Резина какая-то — ошмётки шины или привода... А ты приглядиись. То не резина, то чья-то рука чадит, обдтая фосфором...

Сон Игоря Смолина

Вино уносит от войны далеко — никакой “стингер” не достанет. И из Герата уносит, где ранило, и из Ашхабада, где полгода валялся в госпитале. Куда же уносит ласковая хмельная волна бывалого солдата? Да домой, в Смоленск, на родину.

Казалось бы, какой дом у сироты? Приют, потом студенческое общежитие, потом казарма, откуда увезли на войну. А вот нет. Дом и семья — это тётя Капа, крёстная мать. Ещё в отрочестве она тайком крестила его. Хотела усыновить, да не позволили: зарплата детдомовской кастелянши крохотная, а жильё — одна комната в коммуналке, мало. Точно приютская спальня с двухъярусными койками — царские палаты. Формально семьёй

они с тётёй Капой не стали, но духом с мамой Капой соединились навечно и для подтверждения этого обменялись крестиками. Вот этот крестик, что мама Капа повесила ему на шею, провозжая в армию, и спас его в Афгане. Он знает — был знак.

Сон сержанта Смолина пульсирует, что пламягаситель пулемёта, а виденья отскакивают, точно отстрелянные гильзы.

Вот глаза Ленки, его первой и единственной любви. Когда-то ликующие, хохочущие, мерцающие в темноте и удивлённые на рассвете, они потускнели. Она прячет их за веками, не в силах поднять взгляд, и глядит на его грудь: слева медаль “За отвагу”, справа орден Красной Звезды. Губы её кривятся: ге-еро-ой. Но почему такой тон?! Точно это не она его предала, а он её. Да ведь неправда. Это она польстилась на богатого жениха, выскочила замуж, а потом оказалось, что деньги у того ворованные... Очнись, Лена! Ты сломала жизнь себе и мою — тоже... Я бросил институт, ушёл в армию, попал на войну, был ранен. Вот здесь, под орденом, след от пули... Разве всё это справедливо?!

Жажда справедливости — его корневое чувство. Именно оно побуждает к действию. Вот он, Игорь Смолин, депутат областного совета. Не всё понятно с новыми законами. По сути, кажется, правильно, но за ними, будто тень, возникают подзаконные акты, которые творятся в теневых кабинетах. Голосуешь за одно — правильное и справедливое, — а на деле оказывается совсем другое — лживое и двусмысленное. Да ведь и немудрено. Среди депутатов немало подозрительных лиц. Один из них — бывший муж Ленки; не успела просохнуть печать на судебном протоколе, а он уже на воле, да к тому же в народных избранниках и пользуется депутатской неприкосновенностью.

В Афгане было куда как проще. Вот — свои, вот — чужие. Цель на мушке и — пали. А тут вроде все свои, а как чужие.

А вот Москва. Поехал туда, узнав про комбата. Его комбат, которого он вытаскивал раненого из-под огня и закрывал собой, чтобы не добили “духи”, стал политической фигурой. Майор, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета или в обратном порядке, но прежде всего крепкий русский мужик, настоящий человек.

Ни в свой кабинет, ни в номер гостиницы, где он проживал, комбат своего спасителя не пригласил — всё прослушивается, увлѣк в загородный ресторанчик, подале от чужих ушей. Многие открыл ему комбат в том застолье. Чужих во власти больше, чем своих. А внешне свои — многие куплены, начиная сверху. И этот, с пятном, и этот, трёхпальный, и те, что в комиссиях по Вильнюсу и Тбилиси... Куплены с потрохами и исполняют чужую волю. А в заключение разговора комбат тихо обронил: остерегайся, Игорёк, а лучше уходи, пока не опутали. Душа у тебя хрупкая, предательства не вынесешь и, не дай Бог, чего-нибудь натворишь, сломаешь себе жизнь.

Больше с комбатом они не виделись. Он погиб с оружием в руках в октябре 93-го года, защищая Белый дом и законную власть. Но где похоронен, где его прах — никто уже не ответит: говорят, закатали танками...

Увидев по “ящику” расстрел Верховного Совета, Игорь ушёл из областной власти и снова подался в армию. Там было проще, и, казалось, он, имеющий боевой опыт, там нужнее. Было это в 94-м году. А накануне Нового года их полк бросили на Грозный...

Унесло было вино в мирную жизнь, но война опять настигла солдата. Да и куда денешься от горькой памяти?! А кинула она на сей раз сержанта Смолина на площадь Минутки — в самое пекло. Прислонившись к остову разбитой БМП, он тупо глядит, как догорает рука то ли стрелка, то ли механика-водителя. А вокруг вороньё, которое не пугает ни чад, ни канонада. Грачи — на харчи! — хрипит раненый старлей, командир их разбитой роты. Материть министра обороны и трёхпалого верховода бессмысленно — ни совести, ни чести там нет, они, кинувшись в бойню необстрелянных мальчишек, не застреляются. Стреляется старший лейтенант, принимая на себя вину. Так заведено кодексом офицерской чести.

* * *

Деды-бородачи — оба генералы. Все сошлись на том по настойчивому убеждению Стёпки Бурцева. Не желал Разин, чтобы “земля” был ниже званием. Однако же уступку сделал: высокий — по боевой подготовке, а его, Стёпки, “зёма” — по хозяйственной части. Это же видно. Высокий — статный, осанистый и борода княжеская, так и видится впереди богатырской рати. А “земля” попроще: коротконогий, чуть косоплечный, приземистый, зато рукастый и туловом взял.

Сон Степана Бурцева

Стёпке во сне видится огромная кошара, где работает его дядька. Это в приволжских степях, куда мать отправила его на каникулы. Дядька отбирает в загонах ярок и баранов. Коренастый и рукастый, он стоит поперёк овечьего потока и делит его на две части, хватая животину за рога или холку: этого сюда, эту сюда, этого в отару, этого на забой. И руки его, что поперечины шлагбаума, ни на миг не замирают — туда, сюда, туда, сюда...

Это тогда Стёпку впервые коснулась мысль о судьбе, о жизни и смерти. Кто же решает это — быть тебе или не быть? С овцами понятно — дядька Митяй, а с людьми? И почему выходит так, а не иначе? И случайная смерть — это тоже судьба или её вывих? Вопросов было больше, чем ответов. Он так и не решил ничего, пока не попал в армию. Служить выпало в миротворческой части в Абхазии. Тут смерть приблизилась к нему на расстояние винтовочного выстрела. Вопросов не стало, а ответов было два: или — или...

Сон Ростислава Шелега

До чего же спится после этого вина! И сны всё ласковые. Вот предстаёт в полном составе семейство: жена Тая и сынки-близнята Тёма и Тима, то есть Артём и Тимофей. Где это? А-а, на кладбище, возле могилы деда Фрола. Весь крест увит плющом, к кресту ластятся тимофеевка, люцерна, вьюнок, колосья пшеницы и ржи... Всё, что дед любил и лелеял. И пчёлы округ вьются, и шмели — тоже на помин собрались — жужжат умиротворённо, благодарственно.

Большую жизнь прожил дед, говорит Тая, — почти девяносто... Да, кивает он, а ведь и ранен был, и контужен не раз. Три ордена, в том числе Славы... Боевой был. А в мирной жизни мухи не обидит. Так по сию пору вспоминают на хуторе. Всех приветит, обласкает — всякую былинку, букашку... С миром ладил, потому и прожил почти век... А мы? — встревает Тёма. А мы, — подхватывает Тима, — долго проживём? И мы долго, — уверяет он, отец. — Если будем миром жить. Землю свою беречь, реки, леса, воду, воздух... Родину.

* * *

Иногда отцы-командиры покидали пределы части, отлучаясь по неизвестным, только им ведомым делам. И тогда руководство подразделением поручалось Игорю Смолину. Старший по званию, он был замкомвзвода в Афгане, под Грозным, а когда погиб взводный, взял командование остатками взвода на себя — дело привычное. Так и тут: выводил бойцов на построение, объявлял распорядок дня, давал хозяйственные поручения, вёл занятия, когда завершалась самоподготовка. О чём говорил? О том, что положено знать солдату: обстановка в мире, в стране, кто с кем и за кого — тут всё важно. А ещё, конечно, собственным опытом делился и побуждал к этому сослуживцев. Он у всех разный, житейский багаж — у кого больше, у кого совсем крохотный. Но ведь из таких малостей и складывается вековой народный опыт.

...Самый младший, Стёпка Бурцев вспоминал свой миротворческий блокпост. Южная Осетия. Август. Звёзды, как гроздь винограда. Стрекот

цикад. Покой и тишина. Пользуясь случаем, принялся он при свете фонарика читать письма родителей. Подвернул ближе к огоньку и тут — пуля, как раз посередине матушкиного письма. Письмо вспыхнуло — пуля, видать, была зажигательная. Так и не узнал, как там дома, как здоровье матери, как ведут себя младшие братья — Санька да Гешка. А отцовское письмо сбереглось. Отец уехал на заработки в Германию. Работал на какой-то стройке вместе с греками и турками. Эхма! Как же всё перемешалось в этом сумасшедшем мире! Отец — внук боевого танкиста, который дошёл с боями до тех самых немецких земель, где теперь вкалывал на подёнщине его наследник. Но самое печальное даже не это. В экипаже деда, по его рассказам, был грузин, механик-водитель, верный друг и боевой товарищ, звали его Автандил. Кацо погиб под Берлином, на пороге Победы, общей Победы и русских, и грузин. А теперь грузинская пуля упорно выискивает правнука русского танкиста Бурцева, в экипаже которого воевал грузин Автандил.

...Архип Мальгин горевал о старшем брате. В очередной раз Антон взял кредит. Банк — кабала. Но что делать? Жить надо. Надеялся на осень — думал рассчитаться. А лето выдалось мокрое, кислое. С урожаем пролетел — ни зерновых, ни картошки, ни овоща... Даже сена путного не накосил. Пришлось коров пустить под нож. Не расплатился, мало оказалось. Банк отобрал и трактор, и навесные орудия, что кушил по весне. И всё равно долг остался. Потом и дом под опись пошёл. Жить в нём живут, но по сути дом-то уже не свой. Как приживалы ютятся...

Эх! — Шелег рубанул невидимой шашкой. — А страна-то своя? Ведь вся уже продана да заложена... — и снова рубанул, до того пылала душа.

2

Путь предстоял неблизкий, однако по раскладам дедов-командиров, которые вышли проводить питомцев, на исходный рубеж подразделение должно было выйти в срок. Ждать да догонять — хуже нет. Последняя команда, первые метры пути, и вот уже скрылись, растаяв в дымке, силуэты гостеприимного военного городка, и невеликую, что журавлиная вереница, колонну поглотило безбрежное российское пространство. Где просёлками, где большаком, то мимо сельских погостов, то близ монастырей, которым отдавались поклоны, подразделение двигалось к цели.

Яблочный Спас благоухал плодами и крестными ходами. То же — на Успенье Богородицы. Крестные ходы, как ручейки, сливались в реки и текли к монастырям, заветным православным местам. Туда же устремлялись и наши ратники.

Один попутный крестный ход оказался особенно велик. Шли дети и взрослые, женщины и старики. Глаза их лучились верой и убеждённостью. В поток крестного хода вливались новые живые ручейки, полня его русло. Тут шли старики-фронтовики, ветераны самой лютой войны. Хоть версту, хоть до того вон поворота, докуда хватит ещё сил. Стучали костылями мужики-“афганцы” и парни, которые горели на таджикской границе, в Чечне, в Дагестане. Шли, глухо скрипя протезами и стуча палками-подпорками, ветераны Даманского, чехословацкого противостояния, вьетнамские и ангольские добровольцы... Много их было на последнем русском веку — воинов, кто по приказу или голосу совести брал в руки оружие. Вот это и был воистину народный фронт — не чета лукавому спектаклю, который затеяли идеологи власти.

На каком-то рубеже этот ход был остановлен. Шествие, благословлённое епархией, показалось подозрительным стражам порядка. Дорогу перегородили полицейскими “узиками” и “КамАЗами”. А “КамАЗы”-то оказались не простые, а “воронки”. В такой стоймя можно затолкать человек шестьдесят, а то и поболее. Знать, забеспокоилась олигархическая верхушка, коли создала новый общественный транспорт. Так пронизировали остановленные богомольцы.

По-разному встречали крестный ход в городах и весях. Опасливо и отчуждённо отражали хоругви и лики Спаса тонированные окна банков и разных ростовщическо-меняльных контор. В окнах новорусских особняков

трепетали жалюзи, в тень бетонных заборов прятались угрюмые охранники, и даже цепные псы задавливали свою икотную злобу при явлении полноводного хода. Зато народ, простой деревенский и городской люд, встречал крестный ход поклонами и крестными знаменами.

* * *

Долго ли, коротко, но до цели осталось рукой подать. В сизой осенней дымке проступили силуэты Москвы. Здесь, на подступах к столице, подразделение, что вёл сержант Смолин, встретилось с другими ратниками. И тогда открылось, что таких подразделений, сведённых волей двух бородатых генералов, собирается великое множество. Это передалось по цепочке. Одни с Севера, как они, — следом за журавлями. Другие — с Юга, встречу перелётным стаям. Третьи — с восхода, от солнца. Четвёртые — с заката, встречу ему. Крестным путём и в великом множестве.

Где незримо, а где и явственно ратники обтекали столичные предместья, пересекали МКАД, Садовое кольцо. Одни встали округ Москвы на шести холмах, иные устремились к центру. Среди таких было и подразделение сержанта Смолина.

И вот они — на краю Красной площади. За спиной собор Василия Блаженного. Слева Кремлёвская стена и Спасская башня. Справа Лобное место, давно не используемое. Против — Исторический музей, куда российская власть не захаживает...

Почему российские правители не учатся на уроках истории? Почему заставляют народ то и дело наступать на те же самые грабли, сберегая при этом свои медные лбы? Почему едва ли не главная их черта — верхоглядство?

Тем, кто стоит на краю Красной площади, есть о чём спросить у новых верховодов и есть за что предъявить счёт их предшественникам.

Игорю Смолину требуется отчёт за бездарный марш на Грозный и кровавую бойню, в которую верхогляды-верховоды бросили русских парней. Память заходится в крике, кружа над тем местом. Вот падает, догорая, чья-то рука, подле — отсечённая голова. А вокруг враги. Скалятся, глумятся. Бородатый абрек пучит жёлтые глаза. Сними крест, не то хуже будет! Кинжал жалит ярёмную жилу. Струйка щекочет горло. Нет? Тогда разведи руки. И вот он — живой крест, распятие в стьлом воздухе. Взмах тяжёлого тесака — и летит в огонь отрубленная рука. Его, Игоря, левая рука — это она без конца пылает в пламени памяти. А следом... Господи, помилуй! Спаси и сохрани! Дай сил снести муки! Троеперстие касается лба и живота... Не успеть... Душа взмывает безмолвной птицей. А крестик? Вот... Крестик, надевший крестной мамой, как завершение знамения. Руда из разъятой артерии срывает его, но он не пропадает, а падает в ладонь правой руки, и десница Игорева в последний миг сжимается в кулак, оберегая святыню...

Свой спрос и у Степана Бурцева, рядового миротворческого батальона в Южной Осетии. Почему не сработала дальняя разведка? Была ли таковая вообще? И если была, почему не известила, что танки тифлисского шизофреника выдвигаются на исходные позиции? И если известила, почему в верхах не приняли упреждающие меры? Почему тянули с решением? Почему так поздно пришла подмога? И за что грузинская снайперская пуля оборвала его, Стёпки Бурцева, девятнадцатилетнюю жизнь?..

Свой счёт к Москве и у Ростислава Шелега. Донской рыбинспектор, гроза браконьеров, он направлен в дельту Волги, чтобы укротить осетровую мафию. С жуликами никаких компромиссов: вор должен сидеть в тюрьме. Штрафы, посадки, а в ответ угрозы. Противостояние с бандитами, повязанными с Москвой, доходит до предела, пока не доносится команда "Пли!". Отсюда, из столицы, летит подлая команда, и шесть латунных пчёл разрывают навывлет казачью грудь. Заплакал на небесах старый казак Фрол. Его кудесные заговоры тут — увы! — бессильны. Не выдерживает удара сердце Таи. И вот уже кладбище, и два гроба. И возле них ополовиненное семейство: близнята Тёма и Тима. И вся жизнь...

Особый спрос к власти у подводника Малыгина. Архип Малыгин — гидроакустик АПЛ “Курск”. Лодка на дне, она недвижима и безмолвна. В живых, похоже, только он. По шее что-то ползёт. Божья коровка? На морском-то дне? Нет, это не коровка, это кровь. Она точится из ушей. Это неправильно. Уши должны не источать, а впитывать. Кто это сказал? Да батя! Кто же ещё?! Ещё в детстве, когда лечил от кори. Батя поэт, хотя и инженер. Уши должны впитывать звуки Мироздания — детский вздох, побудку сверчка, шелест крылец стрекозы... Стрекоза саморезом ввинчивается в пространство, а на том саморезе висит пейзаж Божьего мира. То, что батя изрекал, помнится, значит, мозг не угас. Жив и слух, даром что из ушей точится кровь. О чём шипит в отдалении радио? Аккумуляторы сели, а оно шипит. Это не радио. Это он своим уникальным слухом напрямую улавливает радиоволны. Доносятся слова — вопросы и ответы. Пресс-конференция. Где-то там наверху, не иначе в преисподней, обсуждают причины гибели подлодки. Новый вопрос и следом ответ: “Она утонула”. Какой бесстрастный голос! “Она утонула”... Да знаешь ли ты, как она утонула?! Душа не выдерживает. Он-то, гидроакустик, спец первого класса, знает, отчего... И разгневанная душа, замурованная в умирающем железе, вырывается наружу, дабы в урочный час — вот он и настал! — спросить о цене предательства...

И вот — Красная площадь. Рекогносцировка завершена. Слева Спасская башня. Справа Лобное место. Против — Исторический музей, куда власть не захаживает. А памятник кому? Обогнули постамент. Обернулись. Надо же! Минин и Пожарский. Козьма Минич и Дмитрий Михайлович. Их... бородачи — командиры! Де́ды!

Десница Минина вскинута в порыве. Туда, показывает он на Кремль. Пора брать дело Отечества в свои руки, стучит сердце Патриота и Гражданина. Здесь, в центре, образовалась чёрная дыра. Её надо заполнить сердечной энергией. Этот сердечник — магнит невиданной мощи — взвихрит земное пространство, распахнувшееся от океана до океана, и центростремительная сила втянет в русское житие всех скитальцев родной земли, и вольных, и невольных. Встряхнёт умных байбаков и иванов, не помнящих родства, напомнив притчу о блудном сыне и заветы отчины и дедины, дабы сердца их обратились к высшему предназначению русского человека — служению Отечеству, угодному Всевышнему, и тогда Россия — светлая, дарованная Господом Родина, вновь воспрянет, укрыв сенью своих простёртых на полмира крыл всех своих возлюбленных чад. Вперёд, сыны!

Звучит валторна. Над площадью взлетает встречный марш. А из тонкого мира в мир видимый доносится клич:

— А ты чего стоишь? Особого приглашения ждёшь?! Али не видишь, что Родина-Мать на краю гибели?!